

АНДРЕЙ АМИТРУК

ВЕТВИ
БОЛЬШОГО
ДОМА

Аннотация

Утопия. Возрождение большой семьи-рода, где живут вместе несколько поколений. Семьи без родителей. Союз живой девушки и виртуального образа. Новая община амазонок, ашрам в древнеиндийском духе и мегаполис-музей, где правит сверхинтеллектуальный ребёнок... Всё это — реальность Земли через триста лет. Авантурный сюжет, напряжённое действие.

Андрей Дмитрук

ВЕТВИ БОЛЬШОГО ДОМА

Фантастическая повесть

ПРОЛОГ

ОДНИ ПОСРЕДИ ОКЕАНА

«8 августа. 14 часов 51 минута восточного стандартного времени. Высота Солнца 68 10'5». Координаты: 5 29' южной широты, 116 14' западной долготы. За истекшие сутки пройдено 58 миль.»

Окончив писать, Петр подул на страницу, — чернила высохли не сразу, — поставил ручку в бамбуковый стаканчик, прикрепленный к столу, закрыл журнал, положил его в ящик и запер на ключ. Здесь аккуратность была абсолютно необходимой. Если бы они не закрепляли и не прятали мелкие предметы, первый же удар волны привел бы к хаосу.

Петр поправил белый платок, которым была повязана его голова, и вышел на палубу. Строго говоря, он мог бы еще отдохнуть, — до вахты оставалось более двух часов, — но душу не покидало смутное беспокойство. Как будто во время его короткого отдыха могло случиться непоправимое.

За месяцы плавания Петр настолько привык к качке, что теперь ноги сами, независимо от сознания, пружинили на пляшущем помосте, а тело принимало нужный наклон. Залитый солнечным золотом плот двигался вперевалку, качая бортами, задирая то нос, то корму. Плот увесисто хлопал по воде, белые пенные языки выхлестывали сквозь щели между бревнами, трехслойная связка бальсовых стволов зыбилась, точно клавиатура под незримыми пальцами, — и все же складывалось впечатление, что судно стоит на месте. Полтора месяца — с тех пор, как окончательно утонул южноамериканский берег, — вокруг было строгое кольцо морского горизонта. На мачте, сколоченной в виде циркуля, надувался и опадал холщовый грот¹; рулевой вцеплялся в тугой штурвал, прочие колдовали с такелажем², — плот неизменно покоился в центре мироздания. Океан, накрытый жарким куполом, повторял древние модели Вселенной, чудовищные часовые механизмы, где под скрежет тайных колес ползут нарисованные созвездия, безумное Солнце в огненных космах, кривой Месяц с улыбкой скряги... Ночью бревна

¹ Г р о т — нижний прямой парус на грот-мачте (в данном случае, на передней).

² Т а к е л а ж — все снасти на судне.

скрипят и ноют, будто заржавевшее полушарие Земли проворачивается, выволакивая за хвост Большую Медведицу... но нет, с ней не справиться, засела крепко, лишь три звезды на виду.

Сейчас плот шел хорошо, точно по ветру. Штурвал был закреплен, крашенная алым средняя спица наверху. Разумеется, при таком положении дел за рулевого могла стоять Бригита; она и стояла, расставив пошире сильные ноги, с наклейкой на носу. Это Нгале дразнил ее вчера, что нос облупился.

Вдруг решив, что Нгале не худо было бы подтянуть, с его вечными шуточками и зубоскальством, Петр закричал:

— Слепой, что ли?! Не видишь, рыскает! А ну...

Тому не надо было долго объяснять. Только что сидел у самого планширя³, вспарывая брюха пойманным рыбам, — и вот уже, зверино ловкий, облитый шоколадной глазурью, ослабляет парус. Все правильно. Впрочем, не надо было бросать на палубу кривой малайский нож. Может смыть.

Проходя по палубе, Петр в очередной раз покосился на круглые ягодицы и крепкую

³ П л а н ш и р ь — в данном случае брус, барьером огораживающий борт.

загорелую спину Бригиты. Возможно, девчонка была бы не против уединиться с ним или с Нгале — на корме за каютой, штилевой звездной ночью. Но... Положение сложилось бы прелукавое. Один пользуется благами жизни, другой терпит. А потом как? Поменяться ролями? А если Бригита взбунтуется? Или счастливому избраннику не захочется «отдавать» возлюбленную? Здесь, на деревянных клавишах над бездной, всякая ссора губительна.

Ветер продолжал дуть наполненно и ровно, грот больше не тревожил Петра. Правда, осталось то необъяснимое беспокойство, точно саднящая боль, — но от него все равно нельзя было избавиться, и «капитан» дал команду обедать.

Как обычно при хорошей погоде, расположились на помосте между входом в каюту и грот-мачтой. Бригита выложила на блюдо куски жаренного утром тунца. К сему была подана еда инков: шарики из мокрой ячменной муки — мачики, сушеный картофель — кумара, а на закуску сахар-сырец с черною патокой, называемый чанкака. Запивали всю эту поднадоевшую снедь водой, хранившейся в пустотелых тыквах. Кокосовые орехи Петр приказал беречь: Бригита и Нгале, обожавшие млечный сок, уже в первую декаду плавания ухитрились истребить половину запаса...

Изо всех действий, постоянно повторявшихся на плоту, не приедалось лишь одно — послеобеденный ритуал кормления акул. Поев, мореплаватели отправились на корму, присели на корточки и стали колотить мисками по бревнам. Немедленно из мутно-зеленой глубины поднялась, трепеща множеством плавников, сигара в два человеческих роста. Раскрыла рот; сильно выгнутая пила зубов почти касалась пуговично-бесстрастных глаз. Собственно, акулы никогда и не отставали от плота, шли за ним сотни и тысячи километров. Они были идеальными мусорщиками, подбиравшими все, что падало за борт, — но стук мисок вызывал особую жадность. И свежая, и жареная рыба портились через несколько часов; поэтому, съев лучшие части тунца или макрели, ребята бросали остальное своим молчаливым, как смерть, спутникам.

Вопреки тому, что писали классики об акулах, человека они не трогали. Вот и сейчас: вывалив объедки и прополоскав посуду, так что дымка разошлась в воде, Бригита шаловливо опускает за борт ступню. Хищница, всплывшая первой, даже не делает попыток приблизиться, висит на месте, мощно работая плавниками. Был случай, когда Нгале тянул левый брас⁴; внезапный натиск ветра

⁴ Б р а с — снасть, служащая для поворачивания реи в

повернул рею, и «помощник капитана» оказался среди волн. Снасть, правда, не отпустил, — но минут десять ушло на то, чтобы вытащить Нгале, и все это время вокруг него вертелись два высоких спинных плавника... Неужели они настолько умны, что понимают: экипаж плота можно съесть лишь однажды, а живые мореходы будут подкармливать регулярно? Петр не удивился бы, узнав об этом. В любом случае, какое-то диковинное уважение сдерживает кошмарных тварей, с их глазами чучел и ртом «человека, который смеется». Кто и когда внушил его акульему роду?..

К четырем часам пополудни ветер сменил направление и усилился. Начали оправдываться темные предчувствия Петра. Вместе с Нгале он зарифил ⁵ грот, — при такой погоде было достаточно кливера ⁶ и бизани ⁷. Штурвал освободили, «капитан» самолично встал за него, поскольку сейчас могли понадобиться и

горизонтальной плоскости.

⁵ З а р и ф и т ь — уменьшить площадь паруса.

⁶ К л и в е р — передний треугольный косой парус.

⁷ Б и з а н ь — косой парус на задней мачте.

мастерство, и мышечная сила. Тяжелый руль, сделанный из мангрового дерева, становился все более капризным, но до поры удавалось идти в бейдевинд⁸. В ящике перед штурвалом дрожала стрелка большого компаса, чуя близкое бешенство стихий. Очевидно, некие душевные струны Петра были сродни земному магнетизму...

Черта горизонта расплывалась впереди по курсу, там накапливался скверный желтый туман. Несмотря на зловещие предзнаменования, морская живность играла вокруг плота: дельфины гонялись за летучими рыбами, и те, словно синие стрекозы над прудом, расчерчивали небо вокруг мачт. Бац! Одна из оперенных стрел натыкалась на упругий шест, падала и начинала панически биться на помосте. Бригита привычным движением стучала рыбу головой о палубу, швыряла в корзину.

Кончились часы беспечности. То, что еще недавно выглядело рыхлым туманом, теперь сгустилось, стало плотнее, сплошным массивом от моря до неба тронулось навстречу. В последний раз циркачи-дельфины показали мокрые лоснящиеся горбы — и ушли себе в глубину, где покой, подальше от наваливающейся беды.

⁸ Бейдевинд — курс парусного судна при встречно-боковом ветре.

Все, пошло веселье! Со звуками ружейной стрельбы встали дыбом сухие банановые листья на крыше каюты. Мор запестрело кипящими гребнями, воздух сделался сырым и липким, будто холодными руками схватил за разгоряченные плечи. Долой грот — он и зарифленный принимает на себя слишком много ветра! Нгале берется за правый нирал⁹, Бригита за левый... Что за черт! Она дергает изо всех сил, она плачет, она размазывает по лицу слезы и кровь, — ладонь содрана до живого мяса...

Литого свинцового стекла, ростом с двухэтажный дом стена лениво вспучивается перед бушпритом¹⁰. Хотя и не первый это шторм на пути, но все равно каждый раз обрывается сердце: сейчас рухнет жидкая громада и разметет хлипкие бревнышки по яростному морю... Точно в аквариуме, в недрах вала виден мечущийся толстый тунец.

Наехав, подмяла пахнувшая йодом, необоримая масса; оглушил грохот. Петр до боли вцепился в штурвальное колесо — только бы не оторвало, не

⁹ Н и р а л — снасть, служащая для опускания паруса при его уборке.

¹⁰ Б у ш п р и т — брус, выдающийся с носа судна.

выметнуло прочь! Когда тяжесть стала невыносимой и удушье колом вонзилось под ребра, — схлынула волна. Пощадила. Осела грузно, ушла в зазоры помоста.

Плот вертело и раскачивало все сильнее, несло на зюйд-вест, обратно к берегам Южной Америки. «Команда» до сих пор билась над застрявшим ниралом — не могут догадаться, безмозглые...

— Блок! — завопил Петр, тыча пальцем вверх, в сторону реи. Ну, разумеется, верх нирала застрял в блоке — тут можно руки оборвать, ничего не сделаешь. Надо лезть по вантам¹¹ и освобождать проклятую веревку. Вот, Нгале так и делает... Осторожно! Хоть ты, брат, и ловчее всех обезьян, — но уже вздымается, хищно изгибая верхушку, волна повыше прежних...

К вечеру, против всех надежд, погода не угмонилась. Низкое солнце кровоточило сквозь грубые бинты туч. Мужчины сделали все, чтобы уменьшить парусность: до предела зарифили бизань, убрали кливер. Извлечены были на палубу выдвижные кили. Бригита, освобожденная от работ, тихонько постанывала, втирая в ладони индейский

¹¹ В а н т ы — снасти судового стоячего такелажа, закрепляющие к бортам мачты и стеньги.

бальзам.

В сумеречной полумгле, в столбах водяной пыли уже не шторм — единый ревущий поток бесповоротно сносил их к давно оставленной широте порта Гуаякиль. Шел насмарку полуторамесячный каторжный труд. Леденящий, вовсе не тропический ливень наотмашь сек по плечам и лицам.

— ВЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО СПРАВИТЕСЬ?

Ну, а это уж совершенно некстати — Бригита вполне может сдрейфить... Ровное сияние разливается по бушующим волнам. И они стихают, словно звери на арене под ладонью дрессировщика, и покорно ложатся в круге мягкого золотистого света.

— У ВАС ДО СИХ ПОР НИ ОДНОГО МИНУСА, А ПОЛОВИНА ПУТИ ПРОЙДЕНА...

Держа плот в конусе рассеянного луча, висела над головами спасательная платформа, и робот-наблюдатель вещал с него голосом сказочного великана опасные, утешительные истины.

...Нельзя, нельзя, родненькие вы мои, это стыдно! Все равно, что попросить сейчас разносолов у Всеобщего Распределителя или сунуть Бригитину руку в регенератор. Нельзя...

Слава Богу, роботу ответили единодушно и, пожалуй, даже слишком пылко.

Платформа с места набрала скорость и, стараясь не задеть крошечный плот фронтом перепада тяготения, улетела во мглу, будто случайно прибудившаяся светозарная планетка.

— Ветер меняется! — опомнившись, загорланил Петр. — А ну, живо на грот!

НАСТАВНИЦА В ЛЮБВИ

Зовут меня Имант Нориньш, и родом я из Курземе. Там, неподалеку от города-памятника Вентспилса, на берегу реки Венты стоит наш Большой Дом. А лет четыреста тому назад на этом самом месте жил в своей хате старый Мартин, прямой предок бабушки Аустры. Впрочем, это мы по привычке его старым называем. Был Мартин силен и молод, когда налегал на плуг, идя за приземистой кобылкою, и была у «старого» Мартина здоровая круглолицая жена, фотография которой сохранилась, и пятеро чумазных пострелят бегало по его двору. Дети так и окончили жизнь крестьянами; ну, а уж внуков раскидало по белу свету. Одного из них, Арвида, занесло в самую Америку. Устроился там неплохо, — но до конца дней безумно тосковал по родной Венте и, не жалея денег, собирал курземские прялки, расписные сундуки, вышитые полотенца; а все свое состояние завещал латышскому землячеству в Нью-Йорке.

Когда же в разных концах мира стали возникать Большие Дома, прапра... и так далее... внучка Арвида, наследница его антикварной коллекции Аустра Круминя отыскала под речными наносами остатки хаты старого Мартина, точнее — глиняный пол, и выстроила вокруг него главное здание, позднее названное Стволом. Аустра — моя прабабка. Она жива-здоровехонька и живет в Доме, который сама сработала. То есть, конечно, не своими руками, но с помощью усагров, универсальных строительных агрегатов.

Когда Аустра привела в свое жилище любимого человека, тот, понятное дело, спросил: почему у них такой странный дом, одноэтажный, круглый, с центральным залом и стыковочным устройством на крыше? Тогда моя прабабка объяснила возлюбленному идею Большого Дома. Тот не был в восторге, но все же лет пяток прожил с Аустрой. Потом они разошлись; ну, а троих своих детей наша родоначальница воспитала, как хотела. Дети выросли, обзавелись семьями; внуки тоже понаходили себе мужей и жен; настало время, когда на нижний этаж — комель — пришлось насаживать первую мутовку, квартирный узел со стыковочными устройствами с разных сторон, для будущих ветвей...

Сейчас Ствол, поднявшийся на полсотни метров, несет на себе шесть мутовок, в каждой —

по две-три ветви. Расстояния между мутовками велики, — что ж, каждая семья имеет право на уединение и тишину. Всего в Доме обитает семьдесят семь человек, считая недавно родившуюся Инесу Кастельон, мою внучатую сестренку. Год назад я отделился от матери с отцом — вызвал усагр и соорудил себе хорошенькую веточку в той же мутовке, две звукоизолированные комнаты и шаровидную пристройку под мастерскую. Нет, я был слишком юн, чтобы заводить семейство, и при родителях мне жилось вполне уютно. Просто хотелось работать в одиночестве и на свободе. Я пытался восстановить громкозвучную медь, забытые духовые инструменты доэлектронной эры — гобои, бюгельгорны, саксгорны...

Вообще-то я по склонности музыкант и акустик, но мне никогда не были чужды дела, общие для всего Дома. Я просто не могу стоять в стороне, когда настает мой черед нести взятки в улей бабушки Аустры. Да у нас и мудрено было бы мне вырасти другим! Всеобщим Распределителем мы пользуемся только для того, чтобы получать вещи, которые не можем сделать сами. Теряют Распределитель, главным образом, девчонки, например, заказывая себе ко дню рождения «настоящее» (атомную копию музейного) платье Марии Антуанетты, или серьги с зелеными

брильянтами, или еще какую-нибудь, столь же бессмысленную мишуру.

Пищи синтезированной мы подавно не приемлем, и никто нас не уговорит, что она даже на уровне элементарных частиц подобна хлебу из пекарни или молоку из подойника. Еще лет трех от роду я помогал взрослым сажать огуречную рассаду, позднее — молоть проросший ячмень на солод для пива, делать домашний сыр и ухаживать за коровами. Но охотнее всего я ворошил сухую душистую траву в сенном сарае. Главными игрушками моими были всякого рода ушаты, корзины, лубяные короба, лохани, корыта, — многие еще из коллекции Арвида. Подростком я столь же увлеченно возился с микротракторами, с изящными, как часовые механизмы, машинами для беспашотной заделки семян; строил гнезда для пауков, защищавших наш сад от вредителей, и вводил ген быстрого роста молодым яблоням.

И не было на моей памяти ни одного жильца Дома, кроме работавших за пределами Кругов Обитания, кто не участвовал бы посильно в наших сельских хлопотах. Тетя Велта, например, обожала печь домашний хлеб, даже собрала для этого в своей семейной ветви настоящую крестьянскую печь. Ветвь увенчалась дымовой трубой!.. Родичи, склонные к иронии, даже говорили, что хлеб получается у тети намного лучше, чем плоды ее

основной профессии — приборы для внепространственной связи. Как бы то ни было, на выпечку Велты сходились все, кто был к этому времени в Доме, и ждали, приносиваясь, пока искусница вынесет на подносе золотистые теплые караваи — каждый с крестом, начерченным еще по сырому тесту сверху, как велит древний латышский обычай... Некоторые гости утверждали, что нами движет национальная домовитость: ничего подобного, все члены семьи, вышедшие из других народов, охотно включались в хозяйственную жизнь. Скажем, дедушка Жан-Этьен, зять Аустры, оставлял свои геотермальные воды, по которым он плавал в недрах Земли на маленьком сверхпрочном суденышке, и появлялся в Доме затем, чтобы дни и ночи просиживать над восстановлением старинного ткацкого стана. Сперва станки у него получались громоздкие и недолговечные. Потом однажды дедушка зазвал нас, младших детей, в свою ветвь и показал, к нашему ликованию, большущее мотовило, с визгом и стуком наматывавшее на себя пряжу с двух барабанов. Домочадцы дружно включились в дело: скоро у нас стали получаться отличные холсты — и в шесть, и в восемь нитей, гладкие, полосатые, клетчатые! Дальше — больше: мы перестали заказывать через Распределитель новые полотенца, одеяла, простыни, а там *и рубахи...*

На Ладожском озере, в региональном учебном городе, кроме своей же родни, я за много лет не встретил никого, кто происходил бы из Большого Дома. Наверное, во всем мире еще немного было таких Домов. Преобладали ребята, в самом учгороде и жившие, — родители изредка их навещали, — и, конечно, из традиционных малых семей. Однажды я запросил Великого Помощника, и он подтвердил мне, что и в нашем регионе, и на всей Земле, и вообще в Кругах большинство детей воспитывается у отца с матерью или у одного из них. Чуть поменьше детей росло прямо в учебных городах. Были детские сады при разных сообществах: на планетных исследовательских базах, космических станциях Кругов, в профессиональных коммунах, боттегах, аштрамах... В Больших Домах, действительно, пока рождалась и обитала буквально горстка ребят.

Меня, моих братьев и сестер, двоюродных и троюродных, племянников и племянниц как-то сразу стали выделять среди прочих. Говорили, что у нас особый характер — терпеливый, ровный, покладистый... «Ну, еще бы! — сказал мне однажды Арам Шахбазян, грубоватый парень, родившийся в десантном лагере на одной из новооткрытых планет. — Еще бы! Станешь тут терпеливым, когда вокруг тебя вечно толчется куча народу, и все старшие, и все командуют, и ни днем,

ни ночью не побудешь наедине с собой!..» Я, конечно, ринулся возражать: дескать, никто не командует, и побыть в одиночестве — всегда пожалуйста, тем более, что кругом луга нетронутые и лес до самого моря; а множество родных людей, готовых в любую минуту прийти на помощь, не только не угнетает, но, напротив, несет душе покой и гармонию. Арам презрительно пожал плечами: «Чудаки! По-моему, с каменного века молодые люди только и смотрели, как бы удрать от стариков и зажить своим домом. Одни вы гребете против течения. Сектанты какие-то!..»

Тут я ему и выдал. Говорил, понятно, со слов бабушки Аустры, но с такой горячею верой, что каждая мысль как бы становилась моей. Может быть, именно тогда, когда пара молодых супругов впервые ушла из родового жилища и построила собственную хижину, человечество и сделало первый шаг к социальному неравенству, к тому рубежу самоубийства, который оно едва проскочило три столетия назад, укротив, на грани термоядерной войны, хищную империю Запада. Сильно сказано? Ничуть! Лишь с появлением малой семьи расцвело подлинное себялюбие, пусть и окрашенное благородными тонами супружества, материнства!.. Забота о брачном партнере и своих детях стала для многих изнанкой безразличия к остальным соплеменникам. От семейных запасов,

уподобивших людей хомякам, пошло накопительство, приведшее к имущественному расслоению, к тирании всех видов, к воровству «детишкам на молочишко», к грабежам и войнам.

Неумеренное чадолюбие правителей возводило на троны психопатов и садистов; капиталы, любовно накопленные отцами, позволяли сыновьям расти сибаритами, презирающими трудовой люд. Даже у обычных, не «ответственных» родителей нередко вырастали маленькие деспоты, нравственные уроды, не обученные ни любви, ни творчеству, ни ответственности за свои поступки. Концентрация всех лучших чувств на семье приводила к жутким перекосам сознания. Так, рабочий, собирая в цехе термоядерную боеголовку, грозившую гибелью миллионам, думал лишь о прокормлении своих чад и радовался высокой плате... Воскрешение большой семьи-рода, Большой Дом — это попытка утвердить в потомках доброту, широту души и деятельную любовь ко всем ближним. У нас младший всегда знает, что старший и защитит, и научит; труд разложен на всех, капризных малолетних божков нет и в помине, даже годовалая девочка сама кормит кур, убирает свою постельку; для решения важных вопросов собираются мудрейшие, а надо всем этим царит... нет, не авторитет, не опыт, даже не ум, — великое сердце

бабушки Аустры. Во всяком случае, за шесть десятков лет ни одна ветвь не отломилось от посаженного бабушкой Ствола. «Домострой!» — фыркнул Арам. Я больше не спорил. Бабушка Аустра не одобряла споров «до победного конца», считая, что никакая логическая победа не искупает обиды, неизбежно наносимой побежденному.

...Ах, бабушка, была ты, как всегда, права! И самые головоломные события моей тихой домостроевской жизни начались именно со спора.

Накануне большого весеннего праздника, называемого «языческим новым годом», в марте, коллегия учебного города, как обычно, устроила костюмированный бал. Ранее, будучи крайне юным, я на подобные торжества являлся то шахматной фигурой, то пажом или поваренком. Теперь же, в канун семнадцатилетия, как раз недавно начитавшись Валишевского, Забелина и других знатоков русской старины, решил обрядиться в полный, исторически верный костюм дворянина времен царя Алексея Михайловича. Не желая пользоваться услугами Помощника, я двое суток просидел над источниками, пока составил грамотный заказ для Распределителя. Зато уж и раздувался от гордости, прохаживаясь по залу в синем кафтане-чуге с трехцветным намотанным поясом, в красных штанах, заправленных в желтые сапоги с задранными носками, надев набекрень

отороченную соболем шапку, прицепив саблю в осыпанных самоцветами ножнах да еще накинув на одно плечо клюквенный верхний кафтан — опашень с белыми нашивками и с рукавами, которые били по коленям. Танцевать в таком наряде было неловко, пот на мне выступил обильный, будто в сауне; только и оставалось, что, в соответствии с образом, прогуливаться, нарочито гремя подковами, ухарски подбочениваясь и кидая орлиные взгляды на девиц.

Тут я и заметил ее — как раз в ту секунду, когда она брала стакан белого вина со льдом у андроида, великолепно выполненного в виде арапа, носящего чалму и пышный восточный костюм. «Арап» держал на серебряном подносе второй такой же стакан; изнемогая от жажды, я схватил холодный напиток. Получилось неожиданно удачно, словно мы с ней заранее решили вместе выпить. (Позже я узнал, что это не было случайностью: Гита следила за мной с начала вечера и успела вызнать мое имя и происхождение.)

— За что пьем, сыне дворянский? — сказала она, верно поймав тон мгновения, и грациозно подняла стакан.

— За весну-матушку и новый год на Руси, — отвечивал я. Это было все, что удалось придумать: от ее голоса меня бросило в доменный жар, и язык не слушался.

Мы столкнули свои стаканы и, как положено на весеннем празднике, поцеловались. Лет ей было, пожалуй, за тридцать, — я уже различал людей действительно молодых и тех, кто прошел очередное обновление; ростом с меня, широкоплечая и узкобедрая. Глаза хитровато посмеивались, — чуть раскосые коричневатозеленые глаза крупной самоуверенной кошки на скуластом лице. Волосы, убранные в высокую прическу, отливали соломенной желтизною. Пожалуй, только скулы и форма глаз слегка оправдывали ее японский костюм. Шелковое, с нежно-пастельными хризантемами кимоно; пояс под самую грудь — оби, завязанный сзади наподобие ранца...

— Я — Бригита, — сказала она, отпив глоток. — Бригита Багдоева-Гросс. А тебя как звать-величать, добрый молодец?

От простоты ее обращения мне стало легче; сердце, бившееся под кадыком, вернулось на место, и я, обретя дар речи, предложил Бригите отведать мороженого.

Скоро мы с ней сидели за столиком в розарии, на террасе над искусственным водопадом, и болтали о разных пустяках; я швырнул в пенные столбы идиотский опашень, шапку и саблю. А перед рассветом перебрались в отель.

Строго говоря, главным образом для этого и

затевались наши весенние балы. Младшие воспитанники были всего лишь шумными, бестолковыми гостями, а хозяевами — мы, шестнадцатилетние парни и девушки, и старшие мужчины и женщины со стороны, склонные к любовному наставничеству. Женщин-наставниц иногда называли «ликэнион», по имени героини весьма древнего эллинского романа о Дафнисе и Хлое: сия опытная особа взялась обучать таинствам соития невинного пастушка Дафниса... Бывало так, что первая ночь становилась и последней; близость наставника и наставляемого не складывалась, кто-то из двоих был разочарован и честно признавался в этом другому. А нам с Бригитой с первых минут не захотелось расставаться. То ли она, при всей своей иронии, здорово умела слушать и понимать, то ли отменно играла, актерствовала, — хотя, зачем бы ей, — но впечатление сложилось такое, что у меня появилась еще одна старшая сестра, умная и веселая. И не только сестра...

Я сказал Бригите об этом. Она дернула углом большого свежего рта:

— Просто я настоящая женщина, глупенький! Я умею жить твоей жизнью, я — твое зеркало; пока мы с тобой, я всегда буду переживать твои радости и горести острее, чем ты сам.

— А где же тогда ты? — спросил я. — Твое...

неповторимое содержание?

Я понимал, что говорю плохо, книжно, но она не засмеялась.

— Оно совсем иное, чем у тебя, — мое неповторимое содержание... — Гита шутливо прижала мне пальцем кончик носа. Сбросив наши маскарадные костюмы, мы сидели, поджав ноги, на клонированной шкуре перед камином. — Мальчики и девочки сделаны из разного теста...

Мне стало не по себе. До сих пор меня учили совсем иному, да и мой куцый жизненный опыт подсказывал, что мужчины и женщины имеют одинаковые творческие склонности, умом и талантом один пол ничуть не уступает другому, и вообще различие полов куда меньше, чем сходство. Мне даже казалось порой, что любая женщина более сходна с мужчиной своего культурного и духовного уровня, чем с женщиной, стоящей выше или ниже. И — осел из ослов — вместо того, чтобы поскорее прижать свои губы к этим губам, кружившим мне голову, я ввязался в спор...

ПОХОД ЗА ЛЕСНЫМИ ОРХИДЕЯМИ

— Я не могу сейчас точно вспомнить, чем именно мне были опасны эти люди... мне — и, конечно, той маленькой девочке. Да, я чувствовал, что отвечаю за нее... она была совершенно

беззащитна! А вокруг нас ходили эти люди, буквально кружили, как вороны... вроде бы и не делали ничего угрожающего, улыбались нам и друг другу, говорили о каких-то пустых вещах... но я знал, что живыми они нас из дворца не выпустят. Сделай она... или я... но к ней интерес был явно больше... сделай она хоть шаг к дверям, они напали бы, и... и...

— Спокойнее, — сказал гуру Меак, и Абрахам послушно сложил руки перед грудью. — Вспомни хорошо, кого ты обидел месяц или год назад. Твои опасения за девочку, твое желание защитить ее обозначают вину и раскаяние. Вспомни, перед кем и в чем ты виноват, и расскажи нам всем.

— Наверное, это моя мать, учитель, — после недолгого раздумья сказал Абрахам. — В день новолуния мы встретились с ней, она меня навестила.

— Я знаю.

— Но ты не знаешь, учитель, что произошло между нами! Мать жаловалась. Что никак не может найти себя, пытается заняться то одним, то другим делом. Ее связи с мужчинами очень коротки и оканчиваются болезненными разрывами. Она ждала от меня мудрого совета, а я... сделал настоящий выговор.

— Не то, — покачал головой гуру. — Ищи дальше, глубже. Я не тороплю тебя. Но корни твоей

вины должны быть обнаружены — для твоего же покоя... Теперь ты, Иштван. Снились ли тебе этой ночью сны?..

Сай Мон, сидевший в кругу таких же, как он, воспитанников, подобно всем — на пятках, обхватив пальцами колени, напряженно думал: а все ли он рассказывает о своих собственных снах? Утренняя исповедь — обязательная часть духовного самоочищения, которое, как учит гуру Меак, должно быть постоянным. Но от чего же очищать душу, если Саю являлись во сне только беззаботные, мирные картины, похожие на вид с холма, где стоит здание ашрама¹²? Разве что от одного, назойливо повторяющегося видения... Среди зелени и солнца — глядящие снизу вверх, доверчивые, словно у детеныша антилопы, и столь же бархатисто-темные глаза... Нет. Он правильно сделал, что не сообщил об этом. Ничего определенного. Подумаешь, глаза... ресницы, слишком пышные и вычурно изогнутые для маленького, круглого молочно-белого лица...

— Учитель, — сказал Сай, поразившись

¹² А ш р а м — здесь: место проживания группы воспитанников во главе с духовным наставником, гуру (традиционные для Юго-Восточной Азии санскритские термины).

внезапной звонкости своего голоса. — Я видел во сне ту девушку, что принесла нам заказ на большой корабль. Ханку Новак.

Поперхнулся веснушчатый Иштван, прерванный в своей медлительной и чрезмерно подробной исповеди. Гуру Меак, даже не обернувшись в сторону Сая, невозмутимо сказал:

— Думаю, она являлась многим. Но ты оказался самым честным.

Кое-кто из воспитанников прыснул в ладонь, перешепнулся с соседом. Гуру, все так же сидя с опущенным бесстрастным лицом, выпростал из рукава худую коричневую руку, взял деревянную чашу, отхлебнул. До своего фруктово-овощного обеда он не ел ничего более плотного, чем молоко или сок.

Когда окончился пересказ снов и прошла групповая медитация — дхьяна, Сай вернулся в мир видимых феноменов и подумал, что гуру отшутился неспроста. Он предпочел подчеркнуть смешную сторону события, чтобы не слишком привлекать внимание учеников к девушке, которая может присниться. В ашраме юноши живут в целомудрии и воздержании и послушны духовному учителю. Горячие сны Сая опасны ему самому и другим...

Следовало срочно переключиться — на что угодно, лишь бы не усугублять растущее вожделение, не расшатывать налаженный

внутренний строй. Сай Мон, как сидел на траве под гранатовыми деревьями возле деревянного дома ашрама, в одних шортах и босиком, — так и дунул к берегу Меконга. Разрешения у гуру он не просил, ограничился легким поклоном. В определенные часы проходили только утренние и вечерние «очистительные» собрания, трапезы и занятия хатха-йогой; остальное время в общине распределялось произвольно. Каждый сам для себя определял, когда отдыхать, когда — трудиться.

Сай читал, что когда-то, много сотен лет назад, подобные лесные дома, уединенные и оторванные от полной соблазнов цивилизации, служили только личному совершенствованию людей. В ашрамах затворялись, поскольку верили в сансару — цепь перевоплощений души. Делали это, чтобы улучшить свою карму — программу следующих телесных жизней — и, в конце концов, обрести свободу от новых рождений. Во всем этом было нечто, столь же эгоистичное, как и в укладе христианских монахов, норовивших малыми страданиями в земном мире, отказом от временных благ заплатить за вечное блаженство. Ни от монастырей, ни от ашрамов истинный, творящий дух не исходил. Ныне все иначе. Ученики-брахмачарьи, живущие в нравственной чистоте, закаляющие тело и волю, делают все это ради укрепления творческого начала. Каждый из

них готовится к работе огромной важности, доступной лишь человеку огромной душевной силы и целеустремленности. А иные, в том числе и он, Сай, с благословения гуру уже заняты серьезным научно-практическим делом...

Он спустился с берега. Джунгли здесь были сведены мутагенными прививками, вода в реке очищена до прозрачности бактериями, пожирающими муть. Желтый, точно лакированный бамбук теснился на плоских островах, пойменные луга блестели лужами, где над затопленной травой плавали розовые кораблики лотосов. Трепетали на ветру флаги банановых рощ, — а дальше, в дымке болотных испарений, сизо-зеленая, непроницаемая, стояла чаща. Над диким сплетением фиговых и каучуковых деревьев, лиан, колючих кустов шевелили перьями одноногие страусы — высокие пальмы.

Для купания Сай давно уже выбрал чистейшую песчаную полосу за тростниками. Плавал взад-вперед, распугивая стаи мальков, — и вдруг нашел решение вчерашней хитрой задачи. Стало ясно, как надо строить гравизащиту экипажа при околосветовых скоростях. Вот это кстати! Чем раньше будут готовы расчеты, тем скорее он увидит... Опять?! Нет уж! Долой суетные, эгоистические цели. Как там говорит гуру Меак? «Преданное служение Абсолюту в образе вашего

замысла — единственный надежный путь к самореализации...»

Мигом выскочив из воды, Сай стал чертить палочкой на влажном песке. Он написал несколько кратких эвристических уравнений, простых по начертанию, словно птичьи следы, — в ашраме не жаловали традиционной математики с ее громоздкими многоэтажными формулами. А затем в сознание снова властно вторглась — и осталась там Ханка Новак.

Впервые Сай увидел ее на веранде столовой. Девчонка девчонкой, скромница, и ростом маловата, — не сразу заметишь, как ладно сложена, — и блестящие каштановые волосы собраны в девический «хвостик», и глаз не видно под густыми опущенными ресницами. Сидела за столом рядом с гуру и молчала, лишь кратко отвечая на вопросы. Еще Сай заметил, что гостья как-то очень смиренно, истово ест фруктовый салат, — по принятому в ашраме определению, «пищу, дорогую тем, кто в гуне¹³ добродетели»... После обеда учитель представил ее, как посланницу самоуправляемой общины из Восточной Европы.

¹³ Г у н а — понятие традиционной индийской философии, одно из качеств материи, постигаемых через свои следствия. Есть три гуны: добродетели, страсти и невежества.

Ханка явилась в ашрам у Меконга, поскольку они там, на Днепре, слышаны о замечательных научных разработках воспитанников гуру Меака. Община хочет обратиться к ашраму с просьбой. Нужен проект звездолета, но не обычного, а неслыханно огромного, способного унести с Земли не менее, чем тысячу человек.

Если бы не привычка к сдержанности в выражении чувств, воспитанники, наверное, стали бы визжать и обниматься от восторга. Шутка ли — такая великолепная проверка на творческую зрелость! И сам гуру, хотя ни одна мышца не дрогнула на его дубленом, лишенном возраста лице, так и светился гордостью. А Ханка, смущенно глядя под ноги, стояла в своем сером шелковистом комбинезоне с застежками из вороненой стали и рассказывала тоном примерной ученицы: да, необходим корабль исполинских размеров, но инженерная сложность не сводится только к этому. Расстояние, которое должен преодолеть гигант, равно более чем тремстам световым годам, так что без абсолют-двигателей не обойтись; и, кажется, в Кругах еще не строили абсолют-двигателей такой мощности...

Право же, Саю во время этих серьезных девичьих объяснений казалось, что темно-бархатные, наивно-строгие глаза Ханки нет-нет, да и поглядывают прямо на него. И,

пожалуй, он не слишком ошибся. После долгой и углубленной беседы о звездолете, когда мальчики распределяли между собой задания, — кто займется досветовой тягой, кто посадочными модулями, коммуникациями, жилой частью, — Ханка направилась к Саю и спросила, где можно найти лесные орхидеи. К своему величайшему стыду, Сай этого не знал. Девушка слегка смутилась, но, вероятно, сумела бы продолжить разговор, если бы не вклинился между ними старший воспитанник, помощник гуру по хатха-йоге Мельхиор Демл. Он предложил показать орхидеи, и Ханке было неудобно отказаться...

Сай видел, что гостя хочет пригласить его третьим на поиски цветов. Но видел он также, что его присутствие расстроило бы Демла, и, не желая огорчать старшего, стушевался, отошел...

Потом они с Мельхиором провожали Ханну к платформе Переместителя. Девушка несла букет зеленовато-белых цветов с навязчивым, дразнящим запахом. Эти цветы в бледных полудетских руках волновали Сая необычайно, рождали непонятную тоску... Голова Ханки была упрямо отвернута в сторону. Она явно ощущала беспокойство Сая, но попрощалась сухо, едва подав руку. Поднялась по трем ступеням на белую, парящую над травой площадку. Закрыла глаза, мысленно вызывая на себя энергию Переместителя. Тот сработал, как

всегда, незримо и беззвучно: вот стояла над ними девушка в сером комбинезоне, маленькая стройная брюнетка, и — нет девушки, словно выключили изображение.

Единственное, что тогда Сая утешило, — это явно разочарованный вид Мельхиора.

Брызнув на себя водой, Сай Мон в который раз отогнал сладко-щемящий образ и начертил высшую из форм, окружность. Гуру Меак учил: в минуту разлада с самим собой сосредоточься на одной из божественно-мудрых мыслей, завещанных нам великими учителями, и повторяй эту заповедь, пока она не наполнит тебя, не вытеснит прочь все остальное, все пустые печали и терзания. Сай решил раствориться в словах Кун Фу-цзы¹⁴: «Как отесывание и опиливание придают форму драгоценному камню, так и человек должен стремиться посредством непрерывного труда к красоте и внутреннему совершенству». Он произносил это снова и снова, пока не почувствовал себя истинным, свободным от прихотей тела; себя — в облике пуруши, активного мирового начала. Но тут же вспомнил о том, что для полноты бытия пуруше должна противостоять, сливаясь с ним,

¹⁴ К у н Ф у — ц з ы, иначе Конфуций — великий китайский философ VI–V вв. до н. э.

сама природа, нуждающаяся в оплодотворении, — женское начало, пракрити...

Отбросив палочку, Сай лег на спину в тени тростников, подложил руки под голову, закрыл глаза — и погрузился в приятные думы о Ханке Новак.

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ В ЗАТРУДНЕНИИ

...— «В определенном смысле, общеземная культура даже на ее нынешнем этапе, в условиях полной творческой реализации каждого рожденного, абсолютной доступности любых духовных и материальных благ, — эта культура является *мужской*. Не столь прямолинейно и грубо, как раньше, со всеми ухищрениями интеллекта, но она заставляет женщину чувствовать себя объектом, а не субъектом культурной деятельности». И вот, дальше, занятный отрывок: «На чем основано так называемое превосходство мужчин? Только на физической силе, на относительно малой уязвимости более примитивного устройства. Женщина — носительница будущей жизни и потому вдвойне сложна, а значит, хрупка; мужчина же, по сути, является тараном эволюции, живым орудием, подготавливающим землю для потомства. Его

выигрыш, как главы семьи, государства и цивилизации, — это выигрыш молота перед квапьютером». Еще одна фраза, очень показательная: «Самое древнее и беспощадное угнетение, неподвластное никакому социальному прогрессу, — это угнетение женщины мужчиной»...

Петр Осадчий положил листок с только что проявившимся текстом манифеста на край стола.

— Лихо! — поскреб каракулевую макушку Нгале Агвара. — Даже откровеннее, чем до референдума. Можно сказать, берет за душу. Кое на кого может очень даже подействовать, я таких знаю...

— Согласен, — кивнул длинноволосый, совиноглазый, мучительно элегантный Роже Вилар. — У них будет немало последователей.

— Последовательниц, — уточнил Нгале.

— Нет, и мужчин тоже. Найдутся, так сказать, особо рыцарственные, галантные. Сейчас это не редкость. — Поджав губы, Вилар глянул на сверкающие носы своих туфель.

— А есть еще такой психотип — промежуточный, ни мужской, ни женский, — прогудел крупный, с тяжелыми веками, Хосе Феррер. — Я знаю, некоторые художники специально себя так переделывают. Чтобы испытывать особые чувства...

Все семеро присутствовавших членов Совета переглянулись, пробежал общий говор. Хосе, недавно вернувшийся из орбитального города с малым тяготением и еще не успевший уменьшить телесную массу, жадно отпил чаю со льдом.

— Так все-таки, — ваши предложения? — на правах председателя спросил Петр.

Перед ними были расставлены по столу кубы объемных снимков, сделанных летающим робоглазом. Разлив некошенных трав, крутобокие холмы в зеленом мехе сосен, тихие речные заводи с камышами... и везде — женщины. Только женщины. Совсем девчонки, каждая — словно натянутая тетива лука; тридцати- и сорокалетние, статные, исполненные зрелой силы; молодежавшие внешне, но чем-то неуловимо странные, будто покрытые невидимым лаком матроны под сотню лет и за сто... Всех объединяет настроение уверенности и независимости. Женщины, одетые в серые мешковатые комбинезоны с застежками вороненой стали — или почти нагие. Они запечатлены в разных сценах: ухаживают за посевами, возятся на фермах, командуют строительными машинами, играют в теннис, купаются, объезжают норовистых лошадей... *Амазонки!* Никто из них не кокетничает, не пытается казаться красивее, чем есть, не принимает соблазнительную позу, — поскольку нет

зрителей-мужчин. Ни косметики, ни тщательных причесок, и даже нагота какая-то будничная. Опасность? Может быть. Их дерзкие воззвания разлетаются по всем Кругам... Но, право, в этой общине, смело занявшей лесостепные угодья по обоим берегам Днепра южнее города-памятника Киева, есть некое очарование, задор, свежесть грозового разряда. Амазонки твердо знают, чего хотят, и неразлучно держатся вместе, что для нынешних землян не столь уж характерно...

— Пре-це-дент! Так это называлось в старинном судопроизводстве, — вспомнил Вилар. — Решение, принятое когда-то, но пригодное для того, чтобы решить какую-то нынешнюю проблему. Пьер, ты знаешь исторические прецеденты нашего дела? Ну, существовали ли когда-нибудь подобные общины, и как с ними поступали?..

— Это все зависело от конкретных условий, — ответил Петр, чувствуя, что Роже хочет переложить на него груз окончательного приговора. — Бывали общины, конечно... и разбирались с ними по-разному. Вон, раскольники на Руси сами себя сжигали, чтобы только не принять чужой закон, чужую веру... — Нгале тревожно пошевелился, поднял брови. — Да нет, к нашему времени, к нам это никакого отношения не имеет... В общем, все наоборот: *мы* должны

создать прецедент. Чтобы было легче следующим составам Совета.

— Э, пускай сами о себе заботятся! — беспечно махнул рукою Нгале.

— Извини, но ты рассуждаешь по-детски! — Роже сердито поставил на стол пустую чашку; гибкий манипулятор серва забрал ее, чтобы через полминуты вернуть наполненной дымящимся кофе. — Если мы сейчас не справимся, в дальнейшем история станет стихийной, неуправляемой!..

— А может, так и надо? — спросил маленький плосколицый, всегда сосредоточенный Иван Пуя. — Самоорганизация, соревнование любых инициатив?

— До поры, до времени мы так и двигались, — кивнул Петр. — С тех пор, как умерло последнее государство. Сходы, вече, те же референдумы... Теперь, наверное, придется искать новые способы управления. Беспрецедентные...

Нет, — они, конечно, пытались решить проблему амазонок привычными средствами. Например, объявив всемирный референдум.

Координационный Совет Кругов Обитания отнюдь не был мировым правительством: он лишь согласовывал и увязывал между собой волеизъявления групп или отдельных людей. Не было у Совета ни армии, ни полиции, ни судов, ни

тюрем. До сих пор одной только располагал он властью: через Великого Помощника опрашивать по тому или иному вопросу десятки миллиардов землян и жителей Кругов. Если большинство опрошенных приходило к единому мнению, Помощник принимал так называемый совокупный импульс и исполнял волю человечества. Это и был референдум. На предыдущем, лет сорок назад, люди с помощью своей мировой машины схоронили чудовищно опасный проект «двигателя красного смещения». Помощник просто распылил уже готовую энергоустановку на Титане. Авторы повозмущались, потом переделали проект, — и вот, первая очередь двигателя, продуманного неизмеримо лучше, чем поначалу, уже работает, снабжая живительной силой несколько орбитальных городов...

А в году нынешнем, на исходе мая, в домашних приемопередатчиках Помощника — видеокубах — сначала появилась образцово красивая дикторша и задала вопрос от имени Совета, затем тот же вопрос загорелся яркой, настойчиво мерцающей надписью: **ЧТО ДЕЛАТЬ С ОБЩИНОЙ АМАЗОНОК?**

Дикторша говорила вроде бы неоспоримые вещи. Если есть на свете неравенство, то оно уже давно не имущественное, не расовое, не религиозное и уж наверняка не половое.

Существует лишь неравенство *личных* качеств: природных способностей, интеллекта; да и то, в принципе, каждый может усовершенствовать себя с помощью биореконструкции, просто не все хотят. Любая попытка вернуться к разделению людей на высших и низших по *групповым* признакам может воскресить глубоко схороненные, позорные для разумных существ распри. Сегодня амазонки трубят о врожденной нравственной неполноценности мужчин. А завтра найдутся умники, которые «докажут», опираясь на данные этногенетики или, допустим, ноосферного резонанса, что чернокожие эволюционно ограничены, а белые созданы, чтобы быть пионерами прогресса...

Теперь зрители могли одним четким мысленным представлением — Великому Помощнику слов не требовалось, — адресуясь к видеокубу, снять проблему амазонок. Вплоть до крайнего решения: упразднить общину, расселить «мятежниц» по Кругам и не дать им собраться вновь...

Но зрители этого не сделали. Члены Совета просчитались.

...В том, что после референдума наступит ясность, не сомневались они даже на минуту.

— Строго говоря, решив один вопрос, нам предстоит взяться за другой, — с наследственной

чукотской основательностью рассуждал Пуя. — Если мы даже запретим общине действовать в Кругах, — а я не уверен, что люди решат именно так, — позволим ли мы ей создать внесолнечную колонию? Ведь они, кажется, собираются...

— Прецедент на сто тысяч лет вперед! — весело воскликнул тогда Нгале. — Человечество начинает размножаться черенками? Я заранее согласен!

— Плоховатый прецедент, — поднял палец Феррер. — Эти сбегают от «мужского мира»... кто может основать следующую колонию? Дети, удравшие от учителей?

— Да уж, — многозначительно поджал губы и покивал Вилар. — Из черенка может вырасти дерево с ядовитыми плодами...

Петр, любовавшийся в окно дикой красотой скал и далеким белым ледником на лиловом склоне, подумал, что Роже не столь далек от истины. Целая планета во власти технотронного матриархата! Рожать мальчиков они, видимо, не намерены. Об этом позаботятся их генетики... Значит, феминизм будет прогрессировать до степеней чрезвычайных. Скоро и впрямь сочтут себя божественной расой. А что потом? Через сто лет, через пятьсот? Флотилии звездолетов с женскими экипажами, утверждающие в Галактике принципы высшей женственности? И, наконец, где-нибудь, когда-нибудь — прямое

столкновение с «консервативным мужским началом»...

Пожалуй, Роже немного сгущает краски. Но это все лучше, чем беззаботность Нгале или всеприемлющая мудрость Пуя.

...Они даром ждали тогда в помещении для собраний Совета, переделанном из трапезной бывшего тибетского монастыря. Настойчивые призывы виртуальной дикторши пропали втуне. Подавляющее большинство обитателей Кругов вообще не пожелало думать о какой-то там шутовской общине амазонок. Те же немногие, кто соблаговолил ответить на вопрос Помощника, мыслили однозначно и кратко: «Оставьте их в покое, пусть делают, что хотят».

Безразличное молчание миллиардов лишний раз заставило Совет прислушаться к часто звучавшим в видеокубах выступлениям «школы распада». Ее сторонники, жившие в своеобразном, не семейного характера Большом Доме под городом-музеем Киото, утверждали, что человечество, едва лишь став более или менее единым целым сотню лет назад, уже перестает им быть. Нет уже, по сути, и народов. Да и что сегодня может соединить — даже не народ, а десять, двадцать тысяч индивидуумов? Раньше люди выполняли совместную работу, вынужденно сближала и жизнь в городах. Теперь нет разделения